

Н.П. Таньшина*

СРЕДИЗЕМНОМОРСКАЯ ПОЛИТИКА ИЮЛЬСКОЙ МОНАРХИИ

Средиземноморское направление было одним из наиболее приоритетных во внешней политике Июльской монархии 1830-1848 гг., что было обусловлено наличием в данном регионе стабильных и устойчивых интересов Франции. Внешнеполитический курс короля Луи-Филиппа в Средиземноморье включал в себя следующие направления: война в Алжире и Марокко; сохранение и усиление французского влияния в Египте и Сирии на фоне Восточного кризиса; вмешательство во внутренние дела Испании в контексте карлистских войн и франко-английского соперничества за преобладание на Пиренеях; упрочение позиций Франции в итальянских государствах, прежде всего в Пьемонте и Неаполе.

Ключевые слова: Средиземное море, Июльская монархия, Алжир, Восточный кризис, карлистские войны, «испанские браки», Ф. Гизо, Луи-Филипп, «европейский концерт»

Если в Средние века центр экономической и политической активности европейских стран концентрировался вокруг Средиземного моря, то цивилизация Нового времени - это уже цивилизация атлантическая: османские завоевания в средиземноморском регионе заставили европейцев искать более безопасные торговые пути на Восток, что привело к открытию Нового Света и кардинальному изменению вектора развития западного мира. Однако и в последующие столетия Средиземноморье сохраняло важное значение как для отдельных государств, так и для системы международных отношений в целом.

Во внешней политике Франции средиземноморское направление всегда было одним из наиболее приоритетных, поскольку именно через этот регион шло продвижение французов на Ближний Восток. Здесь располагались важнейшие торговые и военные порты Франции - Марсель и Тулон, связывавшие ее не только с

---

* Наталья Петровна Таньшина, доктор исторических наук, профессор кафедры Всеобщей истории Отделения истории Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета.

южным побережьем Средиземного моря, но и в обход Африки с Атлантическим и Индийским океанами. Идея превращения Средиземного моря во внутреннее озеро Франции постоянно присутствовала в политической риторике ее элит, а с момента Египетской экспедиции Бонапарта – и в ее политике.

Особую актуальность средиземноморский регион приобрел для Франции в годы Июльской монархии (1830-1848). Тогда средиземноморская политика стала наиболее динамично развивавшимся сегментом внешней политики Франции, включавшим в себя борьбу за влияние в Испании на фоне карлистских войн и в Египте на фоне обострившегося в конце 1830-х гг. Восточного вопроса; военные действия на территории Алжира и заключение династических браков со средиземноморскими Бурбонами.

Король Луи-Филипп Орлеанский, получивший престол в результате Июльской революции, для легитимации своей власти в глазах европейских монархов был вынужден действовать строго в рамках Венской системы и «европейского концерта», поддерживая «сердечное согласие» с Великобританией. Ведя умеренную и осторожную политику на европейском континенте, правящие круги Франции пытались реализовать свои амбиции за пределами Европы, прежде всего в Магрибе и на Ближнем Востоке. В Европе, действуя в рамках «европейского концерта», Франция стремилась расширять не свои территории, а свое влияние в стратегически важном регионе - Испании, охваченной после смерти короля Фердинанда VII карлистскими войнами в результате борьбы за престол между братом и вдовой покойного короля - доном Карлосом и Марией-Кристиной.

Со стремлением обеспечить выгодные позиции в Средиземноморье связана ставшая в дальнейшем для Франции традиционной блоковая политика: действуя в рамках «европейского концерта» и «сердечного согласия» с Великобританией, Июльская монархия одновременно пыталась создать под своей эгидой некий противовес английскому влиянию в виде так называемой «средиземноморской» или «бурбонской» лиги. Этот проект так и остался не реализованным, но сами намерения министра иностранных дел Франсуа Гизо (1840-1848) создать под руководством Франции систему союзов средиземноморских стран весьма показательны¹.

¹ Подробнее см.: *Mastellone S. La politique étrangère de Guizot // Revue d'Histoire diplomatique. 1957. № 4. octobre-décembre. P. 375-376.*

Средиземноморская политика Франции в годы Июльской монархии включала в себя следующие основные направления: военные действия в Алжире и Марокко; сохранение и усиление своего влияния в Египте и Сирии на фоне Восточного кризиса; вмешательство во внутренние дела Испании в контексте карлистских войн и франко-английского соперничества за преобладание на Пиренеях, упрочение своих позиций в итальянских государствах, прежде всего в Пьемонте и Неаполе. Далее мы рассмотрим эти аспекты в хронологической последовательности, хотя зачастую они были тесным образом взаимосвязаны.

* * *

На годы Июльской монархии пришлась решающая стадия французского завоевания Алжира. Военная экспедиция, успешно проведенная королем Карлом X в 1830 г., не содействовала стабилизации режима Реставрации, уничтоженного в тот же год Июльской революцией. Королю Луи-Филиппу Орлеанскому и правящему лагерю либералов-орлеанистов предстояло решить, что делать с этим «тягостным наследием Реставрации», как именовалось в докладе правительственной комиссии завоевание Алжирского регентства (тогда так называли Алжир). Только в 1834 г. Луи-Филипп официально объявил Алжир французской колонией, однако борьба между колониалистами и антиколониалистами продолжалась во Франции на протяжении всех 1830-х — 40-х гг.

За первые десять лет Июльской монархии в Алжире сменилось четырнадцать генерал-губернаторов, которые, как и главы правительств метрополии, не имели четкой и последовательной программы действий. Одни, как, например, маршал Б. Клозель, являлись сторонниками полного завоевания и колонизации Алжира. Другие, как, например, генерал Ш.-М.Д. де Дамремон или маршал С.Ш. Вале, являлись сторонниками ограниченной оккупации. Однако даже противники колониальной экспансии и сторонники ограниченной оккупации Алжира были единодушны в одном - в необходимости удержания Францией побережья Алжира для укрепления ее позиций на Средиземном море. Если целесообразность завоевания всей территории Алжира и ее дальнейшей колонизации подвергалась сомнению многими, то относительно необходимости укрепления позиций Франции на побережье Средиземного моря существовал полный консенсус.

Так, Франсуа Гизо, являвшийся в середине 1830-х гг. против-

ником полной оккупации Алжира, выступая в парламенте 21 мая 1835 г., отмечал: «Решающий мотив для сохранения Алжира - это то значение, которое должно иметь в торговых делах Европы Средиземное море». По его мнению, «Франция не станет первой морской державой мира, она, прежде всего, держава континентальная. Но во все времена Франция была второй морской державой Европы, и когда Средиземноморье вновь обретет важность, Франция должна быть там сильной»². Через четыре дня, выступая в Палате депутатов с критикой действий в Алжире правительства герцога Л.-В. де Броя, Гизо так сформулировал свое видение политики в этом регионе: «Линия поведения администрации в Африке должна ограничиться прочной и не вызывающей противодействия со стороны местных жителей оккупацией побережья и части территорий, необходимых для того, чтобы эта оккупация была прочной». Он считал, что основная задача французской администрации в Алжире должна заключаться в «установлении хороших отношений с местными жителями для того, чтобы торговые отношения развивались без всяких стеснений»³.

Военные действия в Алжире требовали растущих финансовых затрат, что болезненно воспринималось налогоплательщиками. Для получения необходимых средств парламент раз за разом создавал комиссии «по чрезвычайным кредитам на нужды Африки», которые в своих докладах неизменно объясняли необходимость завоевания Алжира потребностями средиземноморской политики Франции. В частности, А.-Ж. Дюфор, выступая в мае 1838 г. от имени одной из таких комиссий, подчеркивал важность усиления позиций Франции на алжирском побережье в ситуации, когда «Англия присутствует во всех частях Средиземноморья, владея Гибралтаром, Мальтой и Корфу; когда египетский паша с каждым годом увеличивает свой флот, а Россия угрожает завладеть Дарданеллами...». По мнению депутата, 240 лье алжирского побережья Франция может использовать в качестве укрепленной оборонительной линии с опорными пунктами в Оране, расположенном напротив Испании, Боне, который находится напротив Сардинии, и в городе Алжире, что напротив Балеарских островов. Таким образом, по мнению Дюфора, Франция сможет контролировать «ве-

² Le Moniteur universel. 1835. 21 mai.

³ Correspondance du maréchal Clausel Gouverneur Général des possessions françaises dans le Nord de L'Afrique (1835-1837). T. 1. P., 1948. P. XV.

ликий путь, по которому американские и английские корабли направляются в Левант»⁴.

С точки зрения укрепления позиций Франции в бассейне Средиземного моря рассматривал завоевание Алжира и Луи-Адольф Тьер, изначально также весьма осторожно относившийся к идее завоевания всего Алжирского регентства. По его мнению, если Франция оставит Алжир, то этим тут же воспользуются другие морские державы - Великобритания, США и Россия⁵. Подчеркивая стратегическую важность владения Алжиром в контексте средиземноморской политики, Тьер заявил в одном из своих парламентских выступлений: «Восток становится театром великого национального соперничества. Разве Франция, владеющая таким прекрасным побережьем в этом регионе, откажется от своей доли влияния там, где идет подготовка к столь грандиозным событиям? Никогда!»⁶.

Как важную часть средиземноморской политики Франции рассматривал алжирскую проблему и депутат парламента И. Мийере, опубликовавший в 1838 г. работу о политическом, экономическом, военном и колониальном положении Франции. Он очень четко обрисовал контуры средиземноморской политики своей страны и аргументировал жизненную важность укрепления ее позиций в Средиземном море. По его мнению, Франция, не имея возможности конкурировать с Великобританией на просторах Азии и Америки в силу значительного превосходства английского флота, должна сконцентрировать свои силы на укреплении своих позиций Алжире как территории, расположенной наиболее близко к ней и являющейся чрезвычайно важной для усиления ее роли в Средиземноморье. По мнению Мийере, речь вовсе не шла о том, чтобы превратить все Средиземное море во «внутреннее озеро» Франции, «но лишь его малую часть, расположенную между Италией, Францией, Испанией и Алжиром»⁷. Автор призывал: «Объединим на этом побережье все наши силы, как материальные, так и людские, превратим Испанию и Италию в своих верных союзников - и это море будет нашим». Кроме того, полагал он, завладев Алжиром, Франция укрепит связи с Сардинией (расположенной в

⁴ *Bavoux E.* Alger. Voyage politique et descriptif dans le Nord de l'Afrique. T. 2. P., 1841. P. 324-325.

⁵ *Thiers L.A.* Discours parlementaires de M. Thiers. T. 3. P., 1879. P. 508.

⁶ *Ibid.* P. 514.

⁷ *Milleret J.* La France depuis 1830, aperçus sur sa situation politique, militaire, coloniale et financière. P., 1838. P. 592.

35 лье от его побережья), Пьемонтом, Неаполем, а также усилит свое влияние в Испании⁸.

Стратегическую важность владения Алжиром для средиземноморской политики своей страны отмечал и пэр Франции Мерилю, являвшийся сторонником завоевания и колонизации всей территории Алжира: «В условиях нового состояния Европы владение африканским побережьем, расположенным напротив берегов Прованса, необходимо для создания, вместе с Корсикой, сферы нашего влияния на Средиземном море». Он подчеркивал, что Франции особенно важно закрепиться в Алжире в условиях конкурентной борьбы между державами, когда Россия и Англия усиливают свои позиции в Средиземноморье. Мерилю отмечал: «Россия уже является хозяйкой Черного моря и может вскоре стать хозяйкой пролива, соединяющего это море со Средиземным. Тогда она сможет оказывать огромное влияние на эту часть света. Англия, владея Гибралтаром, уже получила ключи от Атлантического океана и Средиземного моря и завершила укрепление своих позиций захватом Мальты и Ионических островов. Франция оказалась в ситуации, когда другие державы с пугающей быстротой усиливают свои позиции на Востоке. Франции необходимо иметь территорию, с помощью которой можно было бы сдерживать влияние других держав... Такой территорией является Алжир»⁹.

9 июня 1836 г. в проправительственной газете *Le Journal des Débats* появилась статья, где подчеркивалась особая важность завоевания Алжира для средиземноморской политики Франции в целом: «Положение на Средиземноморье является сегодня как никогда важным для всех государств, стремящихся обрести в Европе мощь и влияние. Все государства Европы и даже США ищут точки на южном побережье Средиземного моря. Провидение поместило Францию в самое выгодное место этой части Средиземноморья, туда, где пересекаются важнейшие интересы европейских государств. Если мы не сможем там закрепиться, мы упустим свою выгоду»¹⁰. В статье также говорилось: «Франция уже много раз пересекала океан, чтобы завоевать острова, которые она не могла эксплуатировать, не могла защищать по причине их отдаленности... Сегодня Франция располагает в 57 часах пути об-

⁸ Ibid. P. 592-593.

⁹ Le Moniteur universel. № 169. 1840. 17 juin. P. 1457.

¹⁰ Le Journal des Débats. 1836. 9 juin.

ширным побережьем, которое она может защищать своими сухопутными войсками и своим флотом, не ослабляя при свои континентальные силы и не подвергая опасности свои границы». В газете также обращалось внимание на то, что, южное направление - единственно возможное для реализации Францией внешнеполитических амбиций: «Закрытая с севера и востока небольшими государствами, реками и горами, ограниченная океаном на западе, Франция имеет только один путь для своего развития - юг. Там сегодня открыто для нее побережье шириной в 250 лье, с самым благоприятным и здоровым климатом...»¹¹.

Концепция ограниченной оккупации Алжира имела много сторонников на протяжении первых десяти лет правления Луи-Филиппа. Такого подхода, в частности, придерживался глава кабинета Луи Моле (15 апреля 1837 - 8 марта 1839). Он скептически относился к планам завоевания всей территории Алжира. Главное для него заключалось в решении средиземноморской проблемы, для чего он считал необходимым завоевание лишь алжирского побережья. В инструкции от 22 мая 1837 г. генералу Дамремону Моле изложил свою концепцию политики Франции в Северной Африке: «Цель, которую ставит перед собой правительство, - это не абсолютное доминирование и не тотальная оккупация Регентства, а то, к чему Франция особенно стремится, - укрепление морского могущества, безопасность и расширение торговли, рост влияния на Средиземном море. Война препятствует достижению всех этих целей. Правительство принимает ее только как необходимость, которую оно считает возможным ограничить. Особый интерес для Франции заключается во владении прибрежной частью Алжира. Важнейшие задачи - занять города Алжир, Оран и Бон с их территориями. Остальное должно быть оставлено вождям местных племен»¹².

29 октября 1840 г. на фоне резко обострившегося Восточного вопроса и международной изоляции Франции Луи-Филипп сформировал кабинет с маршалом Н. Сультом во главе. Однако реальным лидером правительства был министр иностранных дел Ф. Гизо. В декабре того же года назначение на пост генерал-губернатора Алжира получил Т.Р. Бюжо. Хотя и Гизо, и Бюжо уже

¹¹ Ibid. Хотя, как известно, климат был вовсе не благоприятным, и французские военные в Алжире погибали прежде всего не на полях сражений, а в госпиталях от непривычного климата и болезней.

¹² Correspondance du maréchal Clausel... P. 128.

являлись к этому времени сторонниками полной оккупации и колонизации Алжира, им все еще приходилось убеждать в своей правоте приверженцев удержания лишь побережья Алжира как базы для средиземноморской политики Франции¹³.

Впрочем, уже 1845 г. Ф. Пито, автор книги «Французские колонии», возможно излишне категорично, высказался об этих дискуссиях следующим образом: «Сегодня нет больше ни одного разумного француза, требовавшего бы полного отказа от наших африканских владений или оккупации, ограниченной несколькими прибрежными пунктами...»¹⁴. Он считал, что Алжир станет со временем «не владением Франции, а частью самой Франции, отрезанной Средиземным морем, которое превратится во французский канал, а многочисленные пароходы еще больше сократят расстояние, разделяющее обе страны к выгоде их торговли и, особенно, к их общей безопасности»¹⁵.

* * *

Со всей очевидностью средиземноморский фактор вышел в разряд приоритетных в европейской политике весной 1844 г., когда начались военные действия Франции на территории Марокко. Еще в феврале 1842 г. французские войска под командованием генерала Ламорисьера атаковали Дейру, где находилась ставка Абд аль-Кадира. После боя алжирцы отступили в пределы Марокко. Абд аль-Кадир рассчитывал на помощь султана Марокко Мулая Абд-ар-Рахмана, опасавшегося окончательного утверждения власти французов в соседнем Алжире. В свою очередь, возможность французского вторжения на марокканскую территорию, находившуюся в непосредственной близости от Гибралтара, вызвала серьезную озабоченность Великобритании, усматривавшей в политике Франции стремление оккупировать не только Алжир, но и Марокко, и, таким образом, значительно расширить сферу своего влияния в Средиземноморье.

Англия весьма болезненно воспринимала действия Франции еще и потому, что со времен войны за Испанское наследство

¹³ Например, депутат Корсей, выступая в палате депутатов 4 апреля 1842 г., отмечал, что, по его мнению, «единственная разумная цель владения Алжиром – это укрепление наших позиций в Средиземном море, чтобы мы могли влиять на урегулирование восточных дел». Однако являясь изначально противником колониальной экспансии, этот депутат голосовал за предоставление кредитов на Алжир в полном объеме. См.: La Presse. 1842. 5 avril.

¹⁴ Pitot F. Les colonies françaises. P., 1845. P. 7.

¹⁵ Ibid. P. 3.

(1701-1714), когда британцы завладели Гибралтаром и установили контроль над проливом, они фактически монополизировали торговлю с Марокко¹⁶. До начала 1840-х гг. британский флаг преобладал в североафриканских гаванях. Марокко покупало продукцию английской металлургической и текстильной промышленности. Важнейшее стратегическое значение этой страны заключалось также в том, что она непосредственно примыкала к Гибралтару. Британское правительство, вынужденное смириться с фактом утверждения французского доминирования в Алжире, не хотело допускать дальнейшего расширения сферы влияния Франции. Соглашаясь в 1836 г. на оккупацию Францией Алжира, лорд Пальмерстон обусловил это тем, что Тунис и Марокко останутся независимыми от Франции¹⁷.

Стремясь не допустить вторжения французской армии на территорию Марокко, правительство Р. Пиля (1841-1846) попыталось выступить посредником в урегулировании конфликта. Была также усилена британская эскадра в Средиземноморье, близ берегов Марокко. Лорд Минто, активный сторонник усиления военного присутствия Англии в Средиземном море, выступая в палате лордов 5 июля 1843 г., заявил: «Французская оккупация важных пунктов на побережье Марокко весьма опасна. Переговоры, без сомнения, хороши, однако необходимо, чтобы они опирались на некоторую силу»¹⁸.

Гизо в работе «Роберт Пиль» справедливо отмечал, что «английский кабинет собственно желал, чтобы мы [французы - Н.Т.] предоставили ему выхлопотать нам удовлетворение». Франция же, по словам Гизо, не могла согласиться на посредничество Великобритании, поскольку ей «надо было показать империи Марокканской наши силы, и самим взяться за свое дело». Как отмечал Гизо, Франция не стремилась к новым завоеваниям в Африке, однако французы «желали утвердить за собой приобретенное, не позволять никому беспокоить нас здесь и доказать, что для этого нам не нужно было чужестранной помощи»¹⁹.

В итоге Франция начала военные действия на территории Марокко. 14 августа 1844 г. произошло сражение на реке Ис-

¹⁶ Королевство Марокко. Справочник. М., 1991. С. 69.

¹⁷ Meyer J., Tarrade J., Rey-Golzeiguer A., Thobie J. Histoire de la France coloniale des origines à 1914. P., 1991. P. 348.

¹⁸ Цит. по: La Réforme. 1844. 8 juillet.

¹⁹ Гизо Ф. Сэр Роберт Пиль // Русский вестник. 1856. Т. 5. № 9-10. С. 476.

ли, за которое Бюжо получил титул герцога. Если во Франции победа была встречена с восторгом, то в Великобритании известия о военных успехах Франции произвели совсем иной эффект. Кабинет Р. Пиля заявил, что постоянная оккупация французскими силами побережья Марокко будет рассматриваться как *casus belli*. Британская общественность и большая часть депутатов парламента требовали увеличения английских вооруженных сил в северной части Средиземноморья. В результате, правительство Сульта-Гизо, считая сохранение европейского равновесия сил и недопущение резкого обострения взаимоотношений с Великобританией своей приоритетной задачей, сочло целесообразным уступить, отказавшись от достигнутого. 10 сентября 1844 г. в Танжере был заключен мир с султаном Марокко на условиях, предъявленных ему еще до начала военных действий.

Помимо этого, французское правительство, в определенной степени стремясь пощадить самолюбие англичан, заявило, что не имело намерения расширения влияния Франции в Африке за пределами Алжира. Действительно, в годы Июльской монархии все внимание французского правительства было приковано к последнему, поскольку позиции Франции там были еще очень непрочными: оставались не занятыми Кабилия и Сахара, на оккупированных землях бунтовали местные племена, а колонисты либо возвращались в Европу, либо вымикали от болезней и непривычного климата.

Однако, несмотря на заявления государственных деятелей Июльской монархии о том, что они и не претендовали на расширение французских владений, Алжир уже при Луи-Филиппе стал форпостом распространения французского влияния на весь Север Африки. Это выразилось не только в рейде Бюжо на территорию Марокко в 1844 г., но и в действиях, воспрепятствовавших восстановлению Османской империей контроля над Тунисом, когда Франция вынудила османскую эскадру отойти от тунисского побережья. И хотя Тунис, как впрочем, Алжир и Марокко, формально оставался частью Османской империи, Франция сделала все, чтобы упрочить фактическую независимость тунисского бея и, напротив, усилить свое влияние на него.

* * *

Еще одной областью Средиземноморья, где интересы Франции оказались затронуты непосредственным образом, был Ближний Восток. В конце 1830-х гг. началась новая фаза Восточного кризиса. Обострение было вызвано конфликтом между турецким султаном Махмудом II и пашой Египта Мухаммедом Али. Османская империя стала узлом международных противоречий. Вызванных, с одной стороны, соперничеством между Францией и Великобританией в Сирии, Ливане и Египте, с другой - борьбой западноевропейских государств против расширения влияния России на Ближнем Востоке.

Египет всегда был лакомым куском для европейских держав в силу своего стратегического и географического положения. Через Александрийский порт шла торговля Европы со странами Востока, Северной и Восточной Африкой. Еще со времен Людовика IX Египет, наравне с Сирией и Северной Африкой, выступал объектом завоевательной политики Франции. Ему отводилась существенная роль в планах установления господства над Средиземным морем. Из Египта можно было бы оказывать давление на Османскую империю и, в случае необходимости, угрожать британским владениям в Индии.

В период правления паши Мухаммеда Али (1805—1849) Египет еще считался владением Османской империи, а сам паша - вассалом турецкого султана. Однако зависимость Египта от Турции носила номинальный характер и выражалась лишь в уплате дани. Уничтожив в 1811 г. мамлюкскую знать, Мухаммед Али стал полновластным хозяином Египта, после чего оккупировал часть Аравии (1811-1818) и Восточный Судан (1819-1822). В 1824-1828 гг. египетские войска участвовали в борьбе с антитурецким восстанием в Греции, за что Мухаммед Али получил от султана о. Крит.

В государстве Мухаммеда Али было сильно влияние французов. Начав важнейшие реформы в социально-экономической и политической областях, паша Египта во многом опирался на опыт европейских народов, прежде всего французов, называя себя «сыном Франции». У него на службе находились многочисленные французские и итальянские специалисты.

Франция, стремясь укрепить свои позиции в Египте, пыталась в то же время не допустить усиления влияния других европейских держав в Восточном Средиземноморье. Поэтому в заклю-

чении Ункяр-Искелесийского договора 1833 г. между Россией и Османской империей правящие круги Франции, как, впрочем, и Великобритании, увидели угрозу балансу сил в данном регионе. Французский и английский флоты были приведены в боевую готовность. Однако война не входила в планы Луи-Филиппа: страна была к ней не готова. Французский король в разговоре с послом России графом К.О. Поццо ди Борго заявил: «Мы всеми силами стремимся избежать коллизий и крайностей, потому что мир - это лучшее из благ, а война... приведет в движение такие силы, которыми никто не сможет управлять»²⁰. Аналогичный вывод о внешнеполитической линии французского правительства делал и сам Поццо ди Борго: «Французское правительство считает для себя наилучшим видеть сохранение статус-кво, без каких-либо изменений и потрясений, которые особенно скомпрометируют ее внутреннее состояние»²¹.

Исходя из этих соображений, французское правительство ответило отказом на предложение британского кабинета усилить англо-французские морские силы в Дарданеллах для дальнейшего нанесения удара по русскому флоту. Более того, значительная часть французской эскадры ушла в Тулон²². Луи-Филипп заверил Поццо ди Борго, что «он не имел никакого намерения посылать новые морские силы в Левант, а если англичане предложат ему действовать иным образом, он откажется, и им посоветует то же самое»²³.

В 1839 г. Восточный кризис вновь обострился. В 1840 г. конфликт между султаном и пашой был вынесен на рассмотрение Лондонской конференции европейских держав. Однако правительство А. Тьера (1 марта - 29 октября 1840), стремившегося укрепить позиции Франции в Египте и Сирии, попыталось действовать в обход конференции, добиваясь заключения двустороннего соглашения между султаном и пашой при посредничестве Франции.

Между тем, перспектива единоличного разрешения Восточного вопроса Францией, которая и без того вела активную экспансию в Алжире, вызвала беспокойство и озабоченность как Османской

²⁰ Архив внешней политики Российской империи. (Далее - АВПРИ). Ф. 187. Оп. 524. Д. 116. Л. 6 об.

²¹ Там же. Л. 8 об.

²² Там же. Л. 6.

²³ Там же. Л. 69. Донесение Поццо ди Борго от 14(26).04.1834.

империи, так и Великобритании, опасавшихся формирования целой системы французских колоний и протекторатов на Средиземном море. Эти опасения откровенно высказал глава внешнеполитического ведомства Великобритании лорд Пальмерстон в разговоре с французским послом Гизо, произошедшем в феврале 1840 г., в самый разгар Восточного кризиса: «Франция, очевидно, желает, чтобы в Египте и Сирии укрепилась новая и независимая власть, которая была бы ее протеже и уже исходя из этого, стала бы ее неизменной союзницей. Вы уже овладели Алжиром. Что остается теперь между вами и Египтом? Почти ничего, если не говорить о жалких, бессильных владениях, вроде Туниса и Триполи. Таким образом, весь африканский берег, а также значительная часть азиатского побережья Средиземного моря, оказались бы в вашей власти или под вашим влиянием. Мы этого не допустим»²⁴. Османскую империю также серьезно беспокоила политика Франции в Алжире и усиление турецко-французского соперничества в Тунисе.

Так же как и по алжирской проблеме, во Франции развернулись острые дискуссии между колониалистами и антиколониалистами о политике в Египте. Если ряд французских политиков и экономистов подвергал сомнению экономическую целесообразность укрепления связей с Востоком, то необходимость укрепления политических позиций Франции в Восточном Средиземноморье не оспаривалась даже противниками колониальной экспансии. Так, выступая 17 ноября 1840 г. в верхней палате Собрания пэр Франции барон Шарль Дюпэн выразил сомнение в экономических выгодах торговых связей с Востоком, но подчеркнул важность усиления политических позиций Франции в средиземноморском регионе. По его мнению, Франция в силу исторических условий и обстоятельств располагает бесспорным влиянием в Западном Средиземноморье, которое он географически определял как акваторию от Испании до Сицилии. Там, отмечал он, Франции принадлежат 250 лье северного побережья и 180 лье южного, а также Корсика. Восточная же часть Средиземноморья, которую Дюпэн определял как акваторию от Сицилии до Сирии, является зоной, где влияние Франции незначительно. По данным Дюпэна, французская торговля в Западном Средиземноморье в пять раз превышала ее торговлю в Восточном. Стоимость французской сельскохозяйственной и промышленной продукции, проходящей через

²⁴ Guizot F. Mémoires pour servir à l'Histoire de mon temps. T. 5. P., 1862. P. 42.

западную часть региона в семь раз превышала аналогичные показатели по его восточной части, а число французских кораблей, занятых в Западном Средиземноморье, в пятнадцать раз больше, чем в Восточном. По сведениям Дюпэна, в портах Константинополя, Адрианополя, Салоник, Смирны, а также Сирии и Египта, на сто иностранных кораблей приходится только три французских²⁵.

Однако мнение Дюпэна относительно отсутствия у Франции интересов в Восточном Средиземноморье вызвало серьезные возражения. В частности, выступая в Палате пэров днем спустя, 18 ноября, Ж.-Г. Буасси д'Англа в противовес мнению Дюпэна подчеркнул огромную важность Восточного Средиземноморья для Франции, отметив, что именно оно является «главным направлением развития европейской торговли с азиатскими берегами - торговли, во все времена обогащавшей занятые ею народы». Буасси д'Англа говорил: «Стоит ли удивляться тому, что Англия стремится преобладать на этих берегах? Стоит ли удивляться тому, что она разорвала союз с нами, когда заметила, что наша политика противоречит ее намерениям?»²⁶.

Важное значение средиземноморской политике Франции на фоне обострения Восточного кризиса придавал видный политический деятель, либерал и оппозиционер Алексис де Токвиль, называвший Восточный вопрос одним из ключевых в политике европейских государств. Выступая в ходе парламентских прений в нижней Палате 30 ноября 1840 г., он заявил: «Старый азиатский мир исчезает, и ему на смену приходит мир европейский. В наши дни Европа не ограничивается только соседней с ней частью Азии, как это было во времена Крестовых походов. Она атакует Восток с севера, юга, востока, запада - со всех сторон. Она его развивает, она его ограничивает, она его покоряет»²⁷. В утрате Францией позиций на Востоке Токвиль усматривал угрозу ее национальным интересам: «Считаете ли вы, что нация, стремящаяся остаться великой, может присутствовать на подобном спектакле, не принимая в нем участия? Считаете ли вы, что мы можем позволить двум народам поделить это огромное наследство?», говорил он, имея в виду возможный раздел Османской империи между Россией и Великобританией²⁸.

²⁵ Le Moniteur universel. № 323. 1840. 18 novembre. P. 2259.

²⁶ Ibid. № 324. 1840. 19 novembre. P. 2272.

²⁷ Ibid. № 336. 1840. 1 décembre. P. 2349.

²⁸ Ibid.

Однако в 1840 г., во многом вследствие авантюристичной политики Тьера, Франция оказалась в международной изоляции. Без ее участия в Лондоне 15 июля 1840 г. была заключена конвенция по делам Востока. Тьер с его реваншистским пылом и стремлением вести более агрессивную внешнюю политику был отправлен Луи-Филиппом в отставку, а на смену его кабинету пришло уже упомянутое выше правительство Сульта-Гизо. Умеренный и осторожный Гизо не желал воевать со всей Европой ради защиты интересов египетского паши, однако придавал огромное значение активной политике Франции в Восточном Средиземноморье. Будучи не только политиком, но и знаменитым историком, он, рассуждая о самом понятии «Восточный вопрос», анализировал, почему локальная, на первый взгляд, борьба между султаном Махмудом II и его вассалом Мухаммедом Али приобрела общеевропейское значение. По мнению Гизо, развернувшиеся в Османской империи события имели отнюдь не локальный и частный характер и касались «не только европейского Востока, но и Востока азиатского, поскольку Азия является сегодня театром амбиций и соперничества великих европейских наций, и Османская империя - это дорога, дверь, ключ к Азии. Там для европейского и христианского мира заключено огромное, и может быть, неизбежное будущее»²⁹. Гизо особо подчеркивал важное стратегическое положение Египта в средиземноморском регионе и отмечал, что в условиях ослабления и кризиса Османской империи Франция заинтересована, чтобы в Египте существовало сильное, профранцузски настроенное, правительство. По словам Гизо, Египет еще со времен похода 1798 г. стал «одной из народных фантазий Франции», а Мухаммед Али был в глазах французского общества «естественным союзником, которого мы поддерживали, доверяя больше чувствам, нежели разуму»³⁰.

Требую у Палаты пэров 2 июля 1839 г. одобрения экстраординарного кредита в 10 млн франков на увеличение морских сил Франции в Леванте, Гизо приводил в пример политику России на Востоке: «Российский император... имеет значительные силы... у него есть армия и флот в Севастополе, на Черном море... Вы обязаны иметь в Средиземном море значительные силы, соответствующие тем, которыми он располагает в Черном море»³¹. Гизо полагал, что

²⁹ Guizot F. Mémoires...Т. 4. P., 1861. P. 325.

³⁰ Ibid. P. 45.

³¹ Guizot F. L'Histoire parlementaire de la France. Т. 3. P., 1863. P. 277.

этих мер было недостаточно: «Российский император многие годы держит флот в Севастополе, который он не использует; но он его сохраняет, ожидая возможных благоприятных обстоятельств и готовясь к ним. Поступайте, как он. Постарайтесь быть такими же настойчивыми, как он. Держите в Средиземном море значительные силы не для сегодняшнего дня, а на будущее, чтобы однажды, когда настанет время, вам не нужно было ждать инструкций из Парижа»³².

Если такие политики, как Тьер, О. Барро, Ш. Монталамбер стремились не допустить укрепления позиций России в Средиземном море, то был во Франции и ряд таких политиков, кто не испытывал русофобских настроений и полагал, что укрепление позиций России в регионе было бы только на руку Франции. В частности, такой линии придерживался один из лидеров левой оппозиции Франсуа Моген. Выступая в Палате депутатов 2 декабря 1840 г., он говорил: «Для нас не важно, будет ли Константинополь в руках России или он будет сохранен за султаном. Весь наш интерес заключается в Египте, в Александрии»³³. Выступая в парламенте на следующий день, Моген сделал вывод, противоречивший основной идее французской дипломатии, а именно идее недопущения установления исключительного влияния России в Константинополе: «Если Константинополь будет у России, она станет морской державой и нашим союзником. В Средиземноморье, как и в Океании, будет три морские державы». Как видим, Моген полагал, что укрепление позиций России в Константинополе было бы только на руку Франции, поскольку тем самым был бы создан некий противовес морскому могуществу Великобритании. «Повредит ли нам третья держава в Океании? Напротив, это позволит нам сохранить европейское равновесие. Третья держава в Средиземноморье создаст баланс сил и необходимо, чтобы эта держава стала нашим союзником», - подчеркивал Моген³⁴.

³² Ibid. P. 277.

³³ Эта же мысль была развита Ф. Могеном в его выступлении в Палате депутатов 3 декабря 1840 г. Отметив, что интерес Франции на Востоке полностью сосредоточен на Александрии, он подчеркнул, что Константинополь важен для Франции с точки зрения европейского равновесия. Исходя из этой оценки интересов Франции, Моген подверг критике политику кабинетов Сульта (министерство 12 мая) и Тьера (министерство 1 марта), которые, по его словам, придавали первостепенную важность именно вопросу недопущения установления исключительного влияния России в Константинополе, а Александрию и Египет в целом рассматривали как второстепенные вопросы. По мнению Могена, заключение Конвенции 15 июля явилось естественной реакцией России на антирусские действия или, по крайней мере, заявления, Франции. - *Le Moniteur universel*. № 338. 1840. 3 décembre. P. 2372.

³⁴ Ibid. P. 2371.

Как видим, несмотря на существовавшие разногласия по вопросу о целесообразности активизации Восточной политики, большинство французских государственных деятелей к 1840-м гг. являлись убежденными сторонниками проведения активной политики на Ближнем Востоке, что соответствовало, по их мнению, социально-экономическим, военно-политическим и стратегическим интересам Франции.

В целом же конвенцию от 15 июля 1840 г. во Франции рассматривали как нарушение баланса сил в Средиземноморье и как победу британской дипломатии. В частности, лидер легитимистов П.-А. Берье считал, что заключением этой конвенции Пальмерстон «совершил великое дело, одно из самых великих для Англии за долгое время». По его мнению, соглашение означало усиление позиций Великобритании в Средиземном море и на Ближнем Востоке: располагая Гибралтаром, Мальтой и Ионическими островами, эта держава «сделает шаг в сторону Сирии, а вскоре и Египта»³⁵.

Каково было соотношение французских и английских военно-морских сил в Средиземном море в 1840 г.? По данным легитимистской газеты *Le Siècle*, английский военный флот состоял из 10 кораблей, на которых находилось 826 орудий и 6 630 моряков. Франция же имела в Средиземном море 8 кораблей с 722 орудиями и 6 682 моряками. Кроме того, можно было перебросить из Алжира или Маренго еще 80 орудий, достигнув, таким образом, паритета по артиллерии³⁶.

Однако, несмотря на примерно равное соотношение морских сил, Франция была не готова к общеевропейской войне, которая могла начаться с первого пушечного выстрела в Средиземноморье. В результате, после сложных дипломатических переговоров была 13 июля 1841 г. подписана новая конвенция по делам Востока, теперь уже с участием Франции.

* * *

Еще одним направлением средиземноморской политики Франции была Испания. Именно стремлением свои укрепить позиции в Средиземноморье и были обусловлены действия Франции 1830-1840-е гг. в условиях карлистских войн и соперничества на Пиренейском полуострове с Великобританией.

Первостепенное значение во франко-английском соперниче-

³⁵ Ibid. № 337. 1840. 2 décembre. P. 2358.

³⁶ Le Siècle. 1842. 16 mars.

стве в Испании имели интересы политического и стратегического порядка. Франция уже завладела Алжиром, и установление ее преобладающего влияния в Испании содействовало бы значительному усилению ее позиций в западной части Средиземного моря, а также в акватории Атлантического океана, примыкающей к побережью Испании. Великобритания также стремилась усилить свое влияние на Пиренеях, причем не только в Испании, но и в Португалии. Этими факторами объясняется ожесточенная борьба Франции и Великобритании за влияние на королеву-регентшу Марию-Кристину и продвижение своих креатур на пост главы испанского правительства.

Именно стратегическими и политическими интересами обоих государств объясняются интриги, развернувшиеся в Испании с начала 1840-х гг. вокруг так называемых «испанских браков», то есть браков королевы Изабеллы и ее сестры инфанты Луизы-Фернанды. По мнению Гизо, вопрос о будущем супруге королевы Изабеллы был наиболее важен для Франции с учетом интересов страны в средиземноморском регионе: «Достаточно бросить взгляд на карту Европы, чтобы увидеть, как Франция заинтересована в том, чтобы Испания была расположена к союзу с ней и находилась вне всякой европейской комбинации, чуждой французским интересам»³⁷.

Франция опасалась возможности заключения англо-испанского соглашения и стремилась не допустить этого. Как полагал Гизо, Франция имела в Испании первостепенные интересы именно политического характера, и лишь во вторую очередь - интересы династического плана³⁸. Английский историк Е. Перри в работе «Испанские браки» отмечал, что Гизо стремился создать некую «бурбонскую лигу» для усиления позиций Франции в средиземноморском регионе в условиях обострения противоречий из-за оккупации ею Алжира, заключения франко-пьемонтского договора 1843 г. и франко-марокканской войны 1844 г.³⁹ Итальянский исследователь С. Мастеллоне, разделяя это мнение, считал, что в случае успеха политики французской дипломатии в Испании Франция смогла бы свести к минимуму влияние Великобритании в Западном Средиземноморье⁴⁰.

³⁷ Guizot F. Mémoires... Т. 8. P., 1867. P. 105-106.

³⁸ Ibid. P. 106.

³⁹ Mastellone S. Op. cit. P. 375.

⁴⁰ Ibid.

8 ноября 1843 г. тринадцатилетняя Изабелла была объявлена совершеннолетней. На повестку дня встал вопрос о ее замужестве. Гизо решил посредством взаимных браков между царственными домами Бурбонов установить союз между Парижем, Мадридом и Неаполем и таким образом создать в Европе новую политическую силу, противостоящую Великобритании и Австрии, и, что не менее важно, ослабить позиции Великобритании в Средиземноморье⁴¹.

Конечно, Луи-Филипп рассчитывал на заключение брака Изабеллы с одним из своих сыновей, однако был вынужден отказаться от этой идеи из-за резкого противодействия Великобритании, продвигавшей кандидатуру принца Кобургского. Последняя, в свою очередь, была неприемлема для Франции. Тогда французская дипломатия выработала следующую позицию: королева Изабелла должна вступить в брак только с принцем из дома Бурбонов, потомков Филиппа V по мужской линии⁴². Эта идея стала основополагающей для французской дипломатии. 26 октября 1841 г. Гизо писал послу Франции в Лондоне графу Сент-Олеру: «Мы не должны желать, и мы не желаем на испанском троне *французского* Бурбона; но для того, чтобы французские интересы были соблюдены, нам нужен *Бурбон*»⁴³.

В ходе переговоров между министрами иностранных дел - Гизо и лордом Г.Дж. Абердином - было принято компромиссное решение: Изабелла выйдет замуж за герцога Кадисского из неаполитанских Бурбонов, а ее сестра - за младшего сына Луи-Филиппа герцога Антуана Монпансье. Лорд Абердин согласился с идеей двух браков, но с важной оговоркой: герцог Монпансье должен жениться на инфанте только после того, как у Изабеллы родится наследник, чтобы, таким образом, ее сестра не могла претендовать на испанский престол. Для Франции же было принципиальным, чтобы браки совершились в одно время. Французы полагали, что королева останется бездетной, так как герцог Кадисский, по слухам, страдал бессилием и имел нетрадиционную сексуальную ориентацию. Тогда испанский престол перешел бы к Орлеанскому

⁴¹ Ibid. P. 374.

⁴² Этот аспект является очень важным для понимания политики французского правительства. Дело в том, что сыновья Луи-Филиппа являлись потомками Филиппа V, но по женской линии, по линии супруги Луи-Филиппа. Эту мысль король Луи-Филипп неоднократно доводил до сведения королевы Марии-Кристины, как в момент ее пребывания в Париже, так и в многочисленных письмах.

⁴³ Guizot F. Mémoires...Т. 8. P. 115.

дому. Во всяком случае, французы полагали, что Франсиско де Ассис, герцог Кадисский, не будет иметь ни малейшего влияния на свою жену, и что Испания, при содействии Марии-Кристины и Монпансье, окажется под влиянием Франции. Таким образом, «бурбонская лига», на которую делал ставку Гизо, приобретала реальные очертания: 25 ноября 1844 г. еще один сын короля Луи-Филиппа, герцог Омальский, женился на кузине молодого неаполитанского короля Фердинанда II (племянника королевы Марии-Амелии, супруги Луи-Филиппа), принцессе Марии-Каролине⁴⁴. Поэтому в отношении «испанских браков» французская дипломатия приняла менее определенную формулировку: замужества королевы и инфанты должны пройти «не одновременно»⁴⁵.

Однако летом 1846 г. ситуация изменилась: кабинет Роберта Пиля ушел в отставку и во главе внешнеполитического ведомства встал лорд Пальмерстон, принявшийся вновь продвигать кандидатуру Кобурга. Тем не менее, в результате сложной дипломатической игры Франция добилась победы: 10 октября 1846 г. прошли бракосочетания королевы Изабеллы с герцогом Кадисским и инфанты Луизы-Фернанды с герцогом Монпансье. Браки, как и обещали французские дипломаты, были заключены не одновременно, а один после другого, но в тот же самый день.

Известие о заключении браков было встречено бурей возмущения в Великобритании: королева Виктория и лорд Пальмерстон обвиняли Луи-Филиппа и Гизо в подрыве «сердечного согласия», предательстве и в нарушении Утрехтского договора 1714 г., не допустившего объединения французской и испанской корон. Еще накануне, 22 сентября, Пальмерстон выразил официальный протест против бракосочетания герцога Монпансье с инфантой, заявив, что Франция нарушает Утрехтский договор, поскольку брак герцога Монпансье с испанской инфантой создает возможность объединения корон Франции и Испании. Английское правительство заявило о свободе действий, так как оно не признает этот брак, в результате которого ущемляются права будущих детей королевы Изабеллы.

Франция отвергла подобные обвинения. 11 октября Гизо в письме поверенному в делах Франции в Великобритании графу Жарнаку

⁴⁴ Antonetti G. Louis-Philippe. P., 1994. P. 836.

⁴⁵ Рокху А.Л. История Франции от низвержения Наполеона до восстановления Империи. 1814-1852. Ч. 2. СПб., 1866. С. 126.

подчеркнул, что Утрехтский договор имел двойную цель: воспрепятствовать соединению короны Франции и Испании на голове одной и той же особы и обеспечить корону Испании потомкам Филиппа V. По словам Гизо, Франция не нарушила этого положения: корона Испании остается у потомков Филиппа V и в доме Бурбонов⁴⁶.

Вероятно, ради успокоения английского кабинета Гизо заявил в парламенте, что Великобритания преувеличивает значение заключенных браков для установления преобладающего влияния Франции в самой Испании и усиления ее позиций в Средиземном море. Он, в частности, отметил: «Господа, когда был заключен Утрехтский трактат, положение Англии в Средиземном море было далеко не таким, как сейчас. Англия завладела тогда Гибралтаром, но она не владела ни Мальтой, ни Корфу; она еще не имела в Средиземном море такой активной навигации и флота, как сейчас. Если со времен Утрехтского договора ситуация и изменилась, то только в пользу Англии». Относительно возможного усиления Франции в регионе Гизо заявил, что «далек от того, чтобы считать Средиземное море французским озером или желать его превращения в таковое». Однако, подчеркивал министр, «Франция играет большую роль в Средиземноморье, и это море имеет слишком важное значение для нее, чтобы она не следила внимательно за всеми изменениями, которые происходят на его берегах»⁴⁷. Гизо подчеркнул, что Франция будет отстаивать свои интересы в Средиземноморье, но она не ставит перед собой задачу превращения его в сферу исключительно своего влияния.

Впрочем, результаты блестяще разыгранной дипломатической партии оказались в дальнейшем сведены на нет последующим развитием событий. С начала мая 1847 г. молодая испанская королева попала под влияние фаворита Серрано, протеже лондонского кабинета. К тому же, вопреки ожиданиям французских политиков, у нее вскоре родился наследник. Герцог же Монпансье большого влияния в Мадриде так и не приобрел⁴⁸.

⁴⁶ Revue Rétrospective ou archives secrètes du dernier gouvernement. 1830-1848. P., 1848. P. 358.

⁴⁷ Guizot. F. L'Histoire parlementaire... Т. 5. P., 1864. P. 376.

⁴⁸ Влияние Серрано на Изабеллу было столь компрометирующим, что ее муж, дон Франсиско де Ассис, покинул дворец и заговорил о разводе. Однако Франция вмешалась и сумела отговорить оскорбленного супруга от этого намерения. Вскоре Франции удалось помочь Нарваэсу вернуться к власти (октябрь 1847 г.), и тот добился удаления Серрано. См.: Дебидур А. Дипломатическая история Европы. 1814-1878. Т. 1. Ростов-на-Дону, 1995. С. 487.

* * *

Для франко-российских отношений средиземноморский вопрос имел значение не только в связи с конкуренцией этих держав за влияние в данном регионе, особенно после заключения Ункяр-Искелессийского договора 1833 г. и Лондонской конвенции 1840 г., но и в связи с осуществлявшейся через него торговлей между двумя странами.

19 июня 1845 г. российское правительство обнародовало указ об установлении покровительственных пошлин в пользу русских судов в портах Балтийского и Северного морей. Эта мера была с негодованием встречена коммерсантами французских средиземноморских городов. В частности, выражавшая их интересы газета *La Patrie* назвала этот указ «абсурдным» и расценила его как удар по французской торговле. Торговые палаты Руана и Бордо заявили, что французская морская торговля «находится в такой сложной ситуации, что сокращение отношений с Россией, несмотря на их второстепенную важность, заслуживает самого пристального внимания»⁴⁹. Гизо немедленно объявил поверенному в делах России во Франции Н.Д. Киселеву (с 1841 г. интересы обеих стран представляли именно поверенные в делах, а не послы), что этот указ заставляет французское правительство пойти на аналогичные меры и установить для французских судов покровительственные пошлины на Средиземном море. Киселев выразил протест против подобного намерения, однако французское правительство все же осуществило его. В то же время, Гизо согласился с мнением Киселева о том, что наиболее эффективным способом преодоления взаимных разногласий должно быть заключение торгового договора между Францией и Россией.

В конце февраля 1845 г. начались соответствующие переговоры между Н.Д. Киселевым и бароном П. Барантом, официально занимавшим тогда пост посла Франции в России. Переговоры шли очень медленно, поскольку обе стороны не желали отменять установленные ими покровительственные тарифы. В марте 1846 г. Гизо после совещания с министрами торговли и финансов сообщил Н.Д. Киселеву, что французское правительство считает невозможным отменить принятый в предыдущем году закон о покровительственных пошлинах для французских судов в Средиземном море. Гизо предложил установить равные пошлины для судов, идущих с Балтий-

⁴⁹ *La Patrie*. Journal politique, commercial, littéraire, judiciaire. 1846. 25 mars.

ского моря, но оставить неизменными существующие с 1845 г. пошлины для судов, следующих в Черное море или выходящих из его портов. Переговоры чуть было не прервались, поскольку Киселев заявил, что в таких обстоятельствах «нечего их и продолжать».

В итоге русское правительство не согласилось с французскими требованиями относительно сохранения дифференцированных пошлин для французских и русских судов, но признало принцип взаимности в отношении судоходства и таможенных порядков. К тому же, русское правительство согласилось с французскими предложениями относительно различий в пошлинах для портов Северного и Балтийского моря, с одной стороны, и Средиземного, Черного и Азовского морей - с другой. В августе 1846 г. Киселев получил окончательные инструкции от своего правительства. 16 сентября 1846 г. трактат о торговле и мореплавании был подписан, а 20 октября ратифицирован⁵⁰.

Когда в 1846 г. во Франции случился неурожай, на помощь ей пришла именно Россия, отправившая туда зерно через Черное и Азовское моря. Причем, если раньше привилегии получали суда с зерном, заходившие в порт Марселя, то теперь льготы были распространены и на другие средиземноморские порты Франции⁵¹.

Однако ввоз русского хлеба был затруднен из-за финансовых трудностей Франции, вызванных чрезмерными спекуляциями на акциях железнодорожных и других акционерных предприятий. Долг Французского банка составлял 368 млн франков, и для уплаты «чистыми» деньгами у него оставалось всего 71 млн. В это время Французскому банку была оказана помощь с той стороны, откуда ее меньше всего ожидали. Император Николай выразил желание купить французских государственных бумаг на 50 млн франков по весьма выгодному курсу. 16 марта 1847 г. между руководством Французским банком и Н.Д. Киселевым была заклю-

⁵⁰ Основной принцип трактата сводился к тому, что порт отправления судна определял режим, которому оно подвергнется в порту прибытия. К тому же, трактат устанавливал «полную взаимность», то есть равенство режима для производителей с Севера и взаимное сохранение дифференцированных пошлин для производителей с Юга. Также русское правительство выражало надежду, что если в скором времени состоится подписание коммерческого договора между Россией и Францией, то оно согласится приостановить действие указа от 19 июня 1845 г. об установлении покровительственных пошлин в пользу русских судов в портах Балтийского моря. См.: *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 15. СПб., 1905. С. 202-205.

⁵¹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 90. Л. 64. Донесение Н.Д. Киселева от 9(21).01.1847.

чена соответствующая конвенция⁵². Как отмечал отечественный историк XIX века А.Л. Рохау, эта финансовая операция вызвала большое удивление во Франции: «Одни говорили, будто император Николай хочет только блеснуть и придать себе важность, другие уверяли, что покупкою государственных бумаг он хотел приобрести средства иметь влияние на французскую биржу и таким образом, на французскую политику...»⁵³. Сам Рохау весьма аргументированно объяснял этот шаг русского правительства стремлением России облегчить сбыт своего хлеба, затрудненный недостаточной платежеспособностью Франции⁵⁴.

* * *

Итак, 1830—1840-е гг. были отмечены активизацией средиземноморской политики европейских держав. Средиземное море вновь стало эпицентром борьбы между ними за политическое и экономическое влияние. Особенно энергично в этом регионе действовала Франция, стремившаяся создать здесь некую «средиземноморскую лигу» в противовес влиянию Великобритании. Именно в свете средиземноморской политики следует рассматривать такие важнейшие политические акции Июльской монархии, как завоевание Алжира, борьбу за влияние на Ближнем Востоке, англо-французское соперничество за доминирование в Испании в ходе карлистских войн и «испанских браков». Ряд проектов остался не реализованным: «средиземноморская лига» так и не была создана, в Испании не удалось установить преобладающее французское влияние, а надежды на «испанские браки» не оправдались. Однако завоевание Алжира, успешные действия французских войск в Марокко и твердая политика французских правительств в годы Восточного кризиса 1830—1840-х гг. позволили существенно укрепить позиции Франции в регионе. Эту политику поддерживали даже противники колониальной экспансии, чьи позиции были сильны во все годы существования Июльской монархии. В их глазах задача повышения влияния Франции в Средиземноморье оправдывала ее активные действия в Северной Африке и на Ближнем Востоке.

⁵² Русский инвалид. 1847. 20 марта.

⁵³ Рохау А.Л. Указ. соч. С. 130.

⁵⁴ Там же. С. 131.

Список литературы

- Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 187. Оп. 524. Д. 116; Ф. 133. Оп. 469. Д. 90. [Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii (AVPRI). F. 187. Op. 524. D. 116; F. 133. Op. 469. D. 90].
- Гизо Ф. Сэр Роберт Пиль // Русский вестник. 1856. Т. 5. № 9-10. [Gizo F. Sjer Robert Pil' // Russkij vestnik. 1856. T. 5. № 9-10].
- Дебидур А. Дипломатическая история Европы. 1814-1878. Т. 1. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. [Debidur A. Diplomaticeskaja istorija Evropy. 1814-1878. T. 1. Rostov-na-Donu: Feniks, 1995].
- Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 15. СПб.: Тип-я Министерства путей сообщения, 1905. [Martens F.F. Sobranie traktatov i konvencij, zakljuchennyh Rossieju s inostrannymi derzhavami. T. 15. Sankt-Peterburg: Tip-ja Ministerstva putej soobshhenija, 1905].
- Рохан А.Л. История Франции от низвержения Наполеона до восстановления Империи. 1814-1852. Ч. 2. СПб.: Тип-я О.И. Бакста, 1865-1866. [Rohau A.L. Istorija Francii ot nizverzenija Napoleona do vosstanovlenija Imperii. 1814-1852. Ch. 2. Sankt-Peterburg: Tip-ja O.I. Baksta, 1866].
- Русский инвалид. 1847.
- Antonetti G. Louis-Philippe. Paris: Fayard, 1994.
- Bavoux E. Alger. Voyage politique et descriptif dans le Nord de l'Afrique. Т. 2. Paris, Brockhaus et Avenarius Editeurs, 1841.
- Correspondance du maréchal Clausel Gouverneur Général des possessions françaises dans le Nord de L'Afrique (1835-1837). Т. 1. Paris, Larose, 1948.
- Guizot F. L'Histoire parlementaire de la France. Т. 1-5. Paris: Michel Lévy frères, 1863-1864.
- Guizot F. Mémoires pour servir à l'Histoire de mon temps. Т. 1-8. Paris: Michel Lévy frères, 1858-1867.
- Le Journal des Débats. 1836.
- Mastellone S. La politique étrangère de Guizot // Revue d'Histoire diplomatique. 1957. № 4. octobre-décembre.
- Meyer J., Tarrade J., Rey-Golzeiguer A., Thobie J. Histoire de la France coloniale des origines à 1914. Paris: Armand Colin, 1991.
- Milleret J. La France depuis 1830, aperçus sur sa situation politique, militaire, coloniale et financière. Paris: Librairie Perrotin, 1838.
- Le Moniteur universel. 1835, 1840.

- La Patrie. Journal politique, commercial, littéraire, judiciaire. 1846.
Pitot F. Les colonies françaises. Paris: Charpentier Libraire, 1845.
La Presse. 1842.
La Réforme. 1844.
Revue Rétrospective ou archives secrètes du dernier gouvernement.
1830-1848. P., 1848.
Le Siècle. 1842.
Thiers A. Discours parlementaires de M. Thiers. T. 3. Paris: Calmann-Lévy, 1879.
-

Natalia P. Tanshina

THE POLICY OF JULY MONARCHY IN MEDITERRANEAN

The Mediterranean area had a great importance for the foreign policy of the July Monarchy 1830-1848, that was caused by the stable and enduring interests of France in this region. The policy of king Louis-Philippe in the Mediterranean included such aspects as the war in Algeria and Morocco; the preservation and increasing of French influence in Egypt and Syria during the Eastern crisis; intervention in the internal affairs of Spain in the context of the Carlist wars and the Franco-British rivalry for supremacy in the Peninsula; the strengthening of the position of France in the Italian States, primarily in Piedmont and Naples.

Keywords: Mediterranean, July Monarchy, Alger, Eastern crisis, Carlist wars, «Spanish marriages», F. Guizot, Louis-Philippe, «European concert»